

Полина
Ольденбург

143

Никогда

проза

не скажу

«никогда»,

Или попытка

биографии

Полина Ольденбург (1979) родилась в Казани. С 13 лет жила в Праге. После школы уехала в Москву. Училась в «Гнесинке» на эстрадно-джазовом отделении вокального факультета. Вернулась в Прагу, стала студенткой Высшей театральной школы. Получила диплом актрисы и ведущей радио и телевидения. Работала диджеем на радио, играла в театре, пела в мюзикле... Пишет на русском и чешском. Впервые опубликовала свои стихи в 2004 году в пражском журнале «Русское слово». В том же году в Праге вышла первая книга стихов «Появление» и первая книга: повесть «Люблю-не люблю». В настоящее время живёт в Москве, работает на радио, учится на Высших сценарных курсах

Первое, что мне запомнилось, – солнце, проталкивающееся сквозь плотно задвинутые шторы желтоватого цвета с зелеными разводами. Я просыпаюсь и смотрю сквозь деревянную решетку кровати на окно. То здесь, то там на пол падают ровные яркие лучи. Я хочу дотронуться до них рукой и подергать, как струны, но кровать слишком далеко, и я решаю сделать это позже, днем, когда все проснутся. Думаю, что еще вчера надо было это сделать, но я опять забыла. Сегодня забывать нельзя.

В комнате тихо. Мама с папой спят. Папа лежит на спине и прижимает ко вздымающейся груди белоснежную руку мамы, которая уткнулась лицом папе в шею и обнимает его, спящего. У мамы на глазах – шелковый платок от света, и видны только ее губы и часть носа. Мне вставать нельзя. Вероятно, придется еще долго лежать так и скучать, пока папа не откроет глаза... Я незаметно забываюсь сном и просыпаюсь от громкого папиного пения – оно наполняет комнату густым звоном и радостью. Пианино подпевает папе, подчиняясь его быстрым пальцам, а солнце врывается сквозь распахнутые шторы прямо мне в сердце.

Мой папа – оперный певец. Он работает в Казанском оперном театре. Он Фигаро, Кот в сапогах – в этой роли похож на мушкетера, Жермон – папе приклеивают бороду и покрывают волосы белой пудрой, Риголетто – папа хромает весь спектакль, у него на спине вздымается огромный горб, будто там скрыта еще одна голова, а на самой голове у папы – раздвоенный колпак с колокольчиками на каждой рогульке. Еще много всяких ролей у папы. Но главная в театре все-таки – Я.

Когда прихожу туда, вокруг меня собирается толпа, которая начинает говорить со мной странными голосами. С папой люди разговаривают одним голосом, а со мной – другим, каким-то глупым, более высоким, почему-то перестают выговаривать многие буквы. Просто удивительно!

Толпа сопровождает меня и папу на сцену (я, правда, остаюсь за кулисами и смотрю на ярко освещенное пространство). Тетя Венера сажает меня на трон, который всегда стоит за кулисами, и я ощущаю себя очень важной персоной. Все, кто проходит мимо, обязательно интересуются моей жизнью и глядят меня по голове.

Почти такое же внимание я привлекаю к себе и в остальных местах работы моих родных.

У мамы в авиационном институте меня любят студенты и преподаватели. Мама преподает русский и литературу. Мне даже можно сидеть на лекциях, но я сразу начинаю скучать, потому что вставать – нельзя, разговаривать – тоже нельзя.

У бабушки в поликлинике (она заведует физиотерапией) я – любимица всех врачей и больных. Мне все время дарят разные интересные штучки. Особенно горжусь своим зеркальцем на железной палочке – из зубного кабинета, шприцем – от тети Иры из процедурного и стеклянными трубочками для анализа крови – из лаборатории. Бабушка хочет, чтобы я стала врачом, и я подумываю об этом...

Но у меня есть и другая бабуля – она работает в Казанском Кремле. Я часто

болтаюсь в огромных коридорах кремлевских зданий и представляю себя принцессой, вальсирующей по лакированному полу

Очень люблю бывать у дедушки в Художественном фонде. Он – директор, и все его боятся. А он – такой добрый! Я могу делать с бабушкой все, что захочу. Я езжу у него на шее, иногда он даже встает на четвереньки и катает меня, а я кричу: «Но-о-о-о-о-о!»

2

Ужасный белый букет хризантем загораживает от меня весь мир. Волосы сжимает на затылке такой же по степени ужасности белый бант. Я – вся такая хрустящая и бело-коричневая – волокусь за родителями в школу. Завершают процессию бабушки и дедушка. Все нарядные и счастливые. Кроме меня. Прабабушка, правда, осталась дома и плакала, будто провожала меня замуж.

К третьему классу я узнала, что в школе, оказывается, есть столовая. Мне и в голову не приходило, что все дети парами на третьей перемене направляются именно туда. Я оставалась в классе и мечтала о том, что когда-нибудь приеду в школьный двор на вороном. У меня будут черные сапоги со шпорами. Одноклассники и учителя выбегут мне навстречу и будут смотреть на меня завистливыми глазами и улыбаться. Натянуто. А я – добродушно, а как же иначе? Ведь у них, бедных, нет настоящей лошади, а у меня есть... Что мне не радоваться?

Подобные мечтания заполняли мою голову целиком, не оставляя ни времени, ни возможностей для хорошей учебы. Да и не могла я хорошо учиться, потому что болела воспалением легких каждый месяц. Меня кололи антибиотиками и носу не давали высунуть на улицу. Потому частенько я была не аттестована в четверти. Пойти в школу? Для меня это было настоящим событием! Столько всего тут наслучалось, пока я сидела дома! Сколько интересного произошло! Но как, однако, заунывно урчит математичка... Наверное, опять получу двойку. Так и есть!

К счастью, дома влетало не слишком сильно, поскольку все в семье жили папиным театром и папиным голосом! Все вращалось вокруг этого, и я была, по сути, предоставлена самой себе.

Только к шестому классу поняла, что плохо вижу, и пересела за первую парту. Зрение никогда не было соколиным – увы, наследственность! Раньше я думала, что так видят все. Но однажды, пытаюсь разобраться в мутных расплывах на доске, я спросила у соседа, что видит он. И наши видения не совпали. Вот тут-то все и прояснилось! Хотя очки я из гордости не надела.

Параллельно с основной школой было несколько музыкальных. Как же без этого? В творческой-то семье? Запах старого дерева в первой школе, бородавка на губе учительницы... такая близкая во время занятий и сердито шевелящаяся, когда меня ругали. Я смотрела на изможденные сухие руки, ловко бегающие по клавишам, и думала: «Неужели мои тоже станут такими когда-нибудь? – Нет, конечно! – отвечал внутренний голос. – С тобою этого не будет!»

– Вот о чем ты сейчас думаешь, скажи на милость? – Татьяна Ивановна перестала играть и опустила ладони на колени. Я тупо смотрю на нее и молчу. Ну не буду же я ей рассказывать, о чем думаю.

– О чем, Полина? Мне просто интересно! – она иронично улыбнулась.

Потом были еще три учительницы, и никто из них так и не смог привить мне любовь к занятиям музыкой. Я просто ненавидела инструмент. Его оскал не давал спать по ночам – казалось, я начну играть, а он озлобится и захлопнет крышку, прищемив мои пальцы. Я видела свои побелевшие кисти рук так отчет-

ливо, что они начинали болеть, и я долго не могла уснуть и сбросить с себя этот кошмар.

3

С музыкой от меня отстали в седьмом классе. Папа подписал контракт с Пражской государственной оперой на целых три года и увез нас с мамой в Чехию. Мне предстояло учиться в школе при посольстве – времени на музыку уже не было.

Я вздохнула спокойно, а вскоре (из-за увлечения роком) выбрала себе инструмент по сердцу. Акустическую гитару!

Мы бренчали целыми днями в парке, возле нашей школы. Парк – бескрайний, шестисотлетний. Когда-то там были королевские охотничьи угодья. Ну, а теперь он принадлежал нам – волшебство! Да и сама новая школа тоже была волшебной – не сравнить с казанской!

Аккуратная, уютная и светлая. Самая большая в мире русская школа за рубежом – вот как! А компания! А учителя! Все, как на подбор – командированные на два года. Как и ученики, впрочем. Не школа, а караван-сарай. Весело, все меняется, все течет. Одна беда – только успеешь привыкнуть к человеку, как он уже переезжает в другую страну или домой в Россию возвращается. Так и смотришь вслед уходящему поезду... Я очень быстро привязываюсь к людям.

Но тусовка РОКЕРОВ-ПАНКОВ, во главе которой мне посчастливилось оказаться на пару с однопартником и лучшим другом Ваней Ивановым, дожидая окончания школы! Ваня был «гитарист и певец, о нем говорили – это полный... вперед!». Бряцанье на гитаре, завывание полуполитических полуфилософских песен Егора Летова на школьном пятакке, занятия в драмкружке не оставляли времени и сил для учебы. Да, честно говоря, и желания стать отличницей – не было... Родителей частенько вызывали в школу и промывали им мозги по поводу моего невозможного поведения.

– Ну, кто из тебя вырастет? Что ты за хулиганье такое? – причитала мама, размахивая перед моим носом потрепанным дневником. Хорошо еще, что это был ВТОРОЙ дневник, «причесанный». Надо только побольше раскаянья в глаза добавить и сожаления, ужас бы тоже не помешал. Мама отворачивалась от меня и швыряла дневник на стол. А я шла к зеркалу и смотрела на себя как на произведение своего притворства. Из зеркала выглядывало перекошенное, хмурое, но иронично-равнодушное лицо. Не совсем то, что я хотела, но... может, стоит учиться на актрису?

4

Память у человека устроена странным образом. Это я поняла еще в детстве, когда и воспоминаний-то никаких быть не должно. Тем не менее, отчего-то одни события запоминались лучше, другие – хуже. О плохих оценках я обычно забывала через пять минут, зато воспоминания об успехе на школьных концертах долго грели душу, распалили фантазию. После окончания школы, после отчаянного веселья на выпускном вечере я решила стать певицей. Не меньше, чем ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОЙ. Я умолила родителей разрешить мне ехать в Москву и попытаться счастья там, на родине. Вот так неожиданно стала студенткой вокального отделения знаменитой «Гнесинки». К моему удивлению, никто не пытался сделать из меня Эллу Фицджеральд или Аллу Пугачеву. Моя наставница

была старше меня всего на пять лет, и основными темами наших занятий были разговоры об амурных делах – моих, девичьих, и ее, женских.

Так бесплодно моя учеба и длилась почти год, пока некий «высокий блондин в черных ботинках» – клавишник из нашего школьного пражского оркестра – не приехал в Россию, не встал картинно на колени и не позвал обратно в Прагу, обещая любовь вечную и неземную. Честно говоря, я очень соскучилась по родителям – только теперь поняла, что они кое-что для меня да значат... Поэтому долго уговаривать меня не пришлось – я вернулась в этот стобашенный, прекрасный, но такой маленький, по сравнению с Москвой, город.

5

Что делать, как жить дальше, где учиться?

Никакие уговоры и увещевания родителей о том, что надо выбрать серьезную профессию, не действовали на меня.

Напрасно мне твердили, что, мол, артист – человек зависимый, а порою и бесправный, что, помимо таланта, необходимо иметь железное здоровье и стальные нервы...

– Никем не хочу, не могу быть – только на сцене себя представляю! Как папа!

Удивительно, но мама меня поняла. (О папе речь не идет, во-первых, потому что он был на бесконечных гастролях, а во-вторых, потому что он меня всегда понимает.)

И я, что называется, «пошла в артистки» – поступила в Высшую актерскую школу в Праге. Сложность была – прежде всего – в языке. В русской школе при посольстве чешский высокомерно не учат. Пришлось пойти на ускоренные курсы. И вот тут выяснилось, что лингвистические способности у меня есть!

Очень быстро заговорила по-чешски. Практически без акцента. Красивый, кстати, язык, а какая интонация мелодичная!

Итак, я – студентка. Учусь в чешском институте.

Вот где началось раздолье! Вот где я, наконец-то, могла стать самой собой! Все мои гримасы на лекциях и розыгрыши педагогов сопровождалась аплодисментами и криками «БИС!», при этом сами педагоги ничуть не обижались и ставили мне хорошие отметки за сообразительность.

Чехи – не русские. Совсем другой народ, хотя и славяне. Это сразу бросилось в глаза. Девушки склонны к эмансипации: все – сама, и самец мне не нужен, ну разве что иногда...

А парни не помогают девушкам носить тяжелые сумки и не платят за них в ресторанах.

Не нравится? Ну и не надо, ты мне тоже – не особенно...

Нам, русским, нелегко все это понять, а уж тем более – принять. Но еще более странно другое... Если наши всегда держатся вместе – против учителей, то чехи – заодно с ними! Что это – уважение к старшим, законопослушность? А может, просто – институт такой, творческий, и поэтому царит взаимопонимание?

...Не заладились отношения с преподшей по ведению теле- и радиопередач. Я без удержу кривлялась, а она выставляла меня ВОН со словами:

«Я, конечно, понимаю, что ЭТИМ ты не будешь зарабатывать себе на жизнь, но ты обязана выполнять все мои требования на уроках!» Это прозвучало, как реплика из немецкого порнофильма про непослушных учениц и «строгих» педагогов.

Когда по окончании актерского факультета мне первой – неожиданно – предложили работу радиоведущей, с моей училкой чуть не случился инфаркт.

Все было «в шоколаде» до той поры, пока не пришли «актерские депрессии». Весь первый год я думала, что безумно талантлива! Энергия била из моих глаз лазерными лучами и выжигала узоры на потолках и стенах помещений, на коре деревьев, на стеклах автобусов... Все подтверждало мое убеждение! Даже оценки в студенческом билете!

А потом мне дали роль Лауры из «Каменного гостя» Пушкина. Я упивалась ролью, песней, которую исполняла моя героиня и... своей любовью к Дону Жуану (и к партнеру, его воплотившему). Но мой взгляд на Лауру и взгляд моего педагога, к несчастью, разошлись. Вот где впервые я столкнулась с неприятными особенностями чешского менталитета! Вот где возникло самое острое непонимание! Вот в какой момент мне стало мешать, что я – русская! И мне безумно захотелось СВОЕГО педагога, которому бы доверяла «на все сто», своего ГУРУ, УЧИТЕЛЯ!!! Вдруг я ощутила себя одинокой и далекой планетой в черном холодном космосе, а до Солнца – так далеко...

Во время учебы на актерском, в шумной веренице дней, каждый из которых был наполнен миллионом событий и открытий, пришло осознание себя. Если в школе в голове гудела пурга, то теперь она – не то чтобы утихла совсем, но сквозь ее шум стала пробиваться мелодия. Недельный курс импровизации со знаменитым чешским мастером Ярославом Душеком дал мне гораздо больше, чем все четыре года предыдущей учебы. Я, как говорится, «поймала фишку»: попала в энергетическую струю между зрителем и собой. Счастье обрушилось на меня откуда-то сверху так неожиданно, что чуть не пробило мою черепную коробку!

Хотелось поделиться своим экстазом с целым светом! Научить каждого человека быть Богом! Я просто поняла, зачем я нахожусь на этой Земле.

Розовые очки дали трещину очень быстро. На встрече одноклассников начала рассказывать историю своего «прозрения», и толстая девочка Галя с конкретным украинским акцентом простодушно осадила меня:

– Та ты шо? А зачем ты об этом думаешь? Неужели тебе интересно?

Надо ж было такому случиться! Оказывается, то, чем я жила последние полгода, большинству людей – не интересно!

Потом ажиотаж спал, но осталось осознание того, что внутри меня живет огромный огненный шар и – стоит только захотеть! – он пробьет все вокруг и сможет послужить людям вместо нашей желтой звезды, если с ней вдруг что случится...

6

Однажды моя подруга Янка сообщила мне после госэкзамена, что мы вместе пойдем и попробуем свои силы на радио «Злата Прага». Я подумала, она шутит. Ведь это такое популярное радио! Возможно, как MAXIMUM в Москве, а может – и круче.

– Я же иностранка! Хотя и говорю почти без акцента (интереснее, если бы акцент у меня был более явным – это стало бы фишкой), но с чего нас туда берут? Мы ведь – не ДИДЖЕИ никакие...

Но Янка настояла, и мы вразвалочку, смеясь поминутно и серьезно не страиваясь, ввалились в здание радио. Шеф – приземистый пухленький человек – пошутил с нами минут десять и объявил о нашем выходе в эфир уже в эти выходные.

– Только придумайте «ход конем»! – крикнул он, закрывая за нами, онемевшими, дверь кабинета.

Вот как бывает! Неужели так получают места на престижных радиостанциях? Или нам повезло? Конечно, повезло! Только каникул, похоже, уже не будет.

Нам так никто ничего и не объяснил... Сидите, мол, и трещите в микрофон все, что вздумается. Чем смешнее – тем лучше, а если не получается смешно – тогда «тупите». Тупость смешна сама по себе!

Когда-то на последнем курсе, во времена весенних лекций, проснувшись в 7:30 утра и обнаружив проливной дождь за окном, я подумала:

«НИКОГДА больше в своей жизни не буду вставать рано! Как только кончится все ЭТО, раньше одиннадцати день начинать не желаю!»

Наша с Янкой передача начиналась в 6 утра. Так Бог посмеялся над моими планами.

Взрослая жизнь набросилась на меня, подобно стае собак из-за угла. И – как жирная точка, поставленная мною на детстве, как раскаты грома в еще чистом и спокойном небе – сразу после окончания учебного года, 21-го июня над Прагой прогремела моя свадьба! Кстати, с тем самым блондином, который вернул меня в отчий дом после «московского приключения».

Два года семейной жизни и беспорядочных радиоэфиров, рев ночных трамваев и рев невыспавшегося мужа, косые взгляды диджеев в нашу с Янкой сторону. Еще бы! Мы получили места, о которых приходится только мечтать людям, отдающим жизнь модераторскому делу. А тут – две актрисы, только что вылупившиеся из институтской скорлупки... Возмутительно! Но разве мы виноваты в том, что звезды были к нам благосклонны?

Мой муж Дима не выдержал такого хаоса и объявил мне об отъезде в Москву. Этот город давно звал меня! Его огромные, беспорядочные улицы влекли меня из аккуратной Праги, устремлявшей ввысь свои остроконечные вереницы домов и костелов, в ее узких улицах было тяжело дышать, и я рвалась из Стобашенной в Златоглавую всеми мыслями. Только вот работа была слишком хороша, чтобы бросать... Да и в театре набралось немало веселых спектаклей. А еще возник мюзикл GOLEM, где мне приходилось играть и петь сразу три роли (причем, все три героя – мужчины. Такие персонажи стали преследовать меня, как только я остригла волосы). А еще – родители и друзья... Это держало меня в Праге «на цепи», пока я не решила все бросить и уехать за мужем.

7

Зима и толпы людей повергли мое европейское сознание в шок! Метро засасывало меня в душную неразбериху и выплевывало, казалось, где хотело. Я разглядывала людей, совсем по-иному одетых, и жадно ловила ушами русскую речь, собирая в сундук памяти героев для моей писанины.

Раньше, когда папа пытался приучить меня смотреть политические передачи, я противилась и кривила лицо:

– Зачем? Я НИКОГДА не буду иметь дела с политикой!

Через месяц после приезда в Россию я внезапно устроилась на работу – редактором и ведущей утренней (ОПЯТЬ – УТРЕННЕЙ!) новостной программы на «РАДИО СВОБОДНАЯ ЕВРОПА».

Так Бог снова посмеялся над моими планами.

Время от времени мне снился сон, что я опять где-то учусь... Какое-то странное помещение, незнакомые лица и потрясающее ощущение принадлежности к чему-то новому, значительному, зов вечной молодости, вечного студенчества, со всеми его радостями и трудностями.

Я просыпалась и думала: «Ведь это не «Гнесинка» и не актерская школа... Что же это за заведение? Как жаль, что я больше НИКОГДА не буду студенткой!» Я вздыхала и безумно завидовала молодежи с рюкзачками, толпящейся то тут, то там и обсуждающей домашние задания или вместе прожитый учебный день.

Пролетел год моей работы на «Свободе» и жизни в Москве, Однажды я случайно попала в то самое помещение, которое снилось мне иногда...

«Высшие курсы сценаристов и режиссеров». Здесь учились и преподавали такие знаменитости!

– У нас уже закончен набор, девушка, приходите через два года! – сказала мне милая вахтерша. – Семнадцатого ноября занятия начинаются.

От ее слов мурашки побежали по спине. Ведь семнадцатое ноября – это день моего рождения. Вот она, Судьба! Была не была. И я решительно пошла к председателю приемной комиссии.

Мне повезло – комиссия согласилась почитать мои литературные опусы... Через несколько дней меня пригласили на собеседование. И теперь я снова студентка. Какое счастье!

Что может быть интереснее, чем учиться на актрису? Теперь знаю – учиться на сценариста и режиссера. Кинематограф! Вот она – моя стихия! Иллюзорная сказочная жизнь, в которой ВСЕ возможно!..

А слово «НИКОГДА» я больше не скажу НИКОГДА...

